

Библиографический список

1. Далгат, У.Б. Литература и фольклор: теоретические аспекты. – М., 1981.
2. Молдавский, Д. Фольклор, поэзия, поиск // Небесное зеркало. – Кызыл, 1985.
3. Хадаханэ, М.А. Тувинская проза. – Кызыл, 1968.
4. Кенин-Лопсан, М.Б. Небесное зеркало. – Кызыл, 1985.

Bibliography

1. Dalgat, U.B. Literatura i foljklor: teoreticheskie aspektih. – M., 1981.
2. Moldavskiyj, D. Foljklor, poehziya, poisk // Nebesnoe zerkalo. – Kihzihl, 1985.
3. Khadakhaneh, M.A. Tuvinskaya proza. – Kihzihl, 1968.
4. Kenin-Lopsan, M.B. Nebesnoe zerkalo. – Kihzihl, 1985.

Статья поступила в редакцию 28.08.14

УДК 821.161.1

Shkapa Ye.S. ON THE QUESTION OF REALTIONSHIP BETWEEN THE CHRISTMAS TRILOGY “SELECTED GRAIN” (OTBORNOE ZERNO) BY N. LESKOV AND OTHER WORKS OF THE WRITER. The article is devoted to a topical problem of studying Leskov's works in an intertextual aspect. This article contemplates the problem of analysis of the poetics of the Christmas novels of the writer from the perspective of the intertextual connections with his other works regarding the Christmas trilogy of “Selected grain”. Special attention is focused on the analysis of narrative and figurative adoption. The author comes to the conclusion that in the dialogical space the trilogy is a recipient of the drama “The Spendthrift” (Rasstochitel) and a pretext to an unfinished “story apropos” “Moscow Ghost”, the manuscript of which is in the archives of N. Leskov in Russian Archive of Literature and Arts. The images' parallelism and thematic adoptions, identified by the author, made it possible to create a whole number of “characters”, to extend the semiotic and the semantic field of works. The problem in the article is studied insufficiently and requires further work.

Key words: Leskov, Christmas stories, intertextuality, story, image, character series.

Е.С. Шкапа, аспирант каф. истории русской классической литературы Института филологии и истории Российского гос. гуманитарного университета, г. Москва, E-mail: elena_shk89@mail.ru

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ СВЯТОЧНОЙ ТРИЛОГИИ Н.С. ЛЕСКОВА «ОТБОРНОЕ ЗЕРНО» С ДРУГИМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ ПИСАТЕЛЯ

Статья посвящена актуальным на сегодняшний день вопросам изучения творчества Н.С. Лескова в интертекстуальном аспекте. В данной статье рассматривается проблема анализа поэтики святочных произведений писателя в ракурсе межтекстовых связей с другими авторскими произведениями на примере святочной трилогии «Отборное зерно». Основное внимание акцентируется на анализе сюжетных и образных заимствований. Автор приходит к выводу, что в диалогическом пространстве произведений трилогия является одновременно реципиентом драмы «Расточитель» и предтекстом незаконченного «рассказа кстаги» «Московское привидение», рукопись которого находится в архиве Н.С. Лескова в РГАЛИ. Выявленные образный параллелизм и сюжетные заимствования позволили выстроить «персонажные» ряды, расширить семиотическое и смысловое поле произведений. Проблема, затронутая в статье, мало изучена и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: Лесков, святочные рассказы, интертекстуальность, сюжет, образ, персонажный ряд.

Одним из важнейших направлений современного лескововедения становится выявление места и значения творчества Н.С. Лескова в отечественной литературе. Стоит отметить неравномерное распределение исследовательского внимания к наследию писателя. Как верно замечает Н.Ю. Данилова (Заварзина), «возросший интерес к творчеству Н.С. Лескова в отечественном и зарубежном литературоведении, наблюдаемый с начала 90-х гг. XX в., с одной стороны, привел к появлению множества исследовательских работ о творчестве писателя, с другой же стороны, выявил неизученные вопросы» [1]. Так, вопросы исследования интертекстуальных особенностей стиля Н.С. Лескова, в том числе в святочных произведениях, оказались несколько в тени, поэтому проблемы изучения межтекстовых связей в творчестве писателя в последнее время приобретают особое значение. Специальных исследований художественных произведений Н.С. Лескова в интертекстуальном аспекте на данный момент не так много, к проблеме межтекстовых связей, заимствований образов, сюжетов и мотивов в творчестве писателя обращались Н.Н. Старыгина, О.Е. Майорова, И.Н. Минеева, Г.А. Шкута, А.А. Новиков-Строганова, А.А. Федотова. Исследуя «мнемонические элементы» в творчестве писателя, Евдокимова О.В. отмечает, что «не только масштабные эпические произведения, но и самые лаконичные свои сочинения Н.С. Лесков насыщает прямыми или скрытыми цитатами, реминисценциями, многочисленными образами культурной памяти» [2].

Рост интереса литературоведов к наследию писателя, интерпретация его святочных произведений в новом ракурсе, с точки зрения интертекстуальности, определяет актуальность данной работы. Новизна исследования заключается в том, что межтекстовые связи святочных рассказов Н.С. Лескова с другими авторскими произведениями ранее не рассматривались. «В лесковедении уже отмечалась автоинтертекстуальность творчества Лескова, его стремление «переписать», иногда совершенно противоположным образом, уже однажды обработанный сюжет» [1]. В своей творческой манере Н.С. Лесков «всегда стремился к установлению внутренних связей между своими произведениями» [3, с. 15]. При интерпретации святочных произведений писателя, следуя авторской жанровой дефиниции, такие связи нужно учитывать.

Представляет интерес с этой точки зрения трилогия Н.С. Лескова «Отборное зерно», впервые опубликованная в 1884 году в журнале «Живописное обозрение» (№№ 1, 2, 3). В 1886 году, уже с новым началом, включающим святочные мотивы, писатель включает это произведение в свой сборник «Святочные рассказы». Исследуем особенности реализации основных форм авторской интертекстуальности в этом рассказе. Исследователь А. Новикова затрагивала вопрос заимствования «сюжета наоборот»: «...в основе повествования [трилогии – Е.Ш.] – шутовское действо, розыгрыш, обман (в этом смысле «Отборное зерно» соотносится с другим святочным рассказом Лескова – «Об-

ман», 1883). Срабатывает своеобразная логика «обратности» — когда всё «наоборот», «наизнанку», «шиворот-навыворот» [4].

Подготовленный читатель, опираясь на знания творчества писателя, также находит в «Отборном зерне» черты образов, известных по более раннему произведению Лескова — драме «Расточитель», впервые напечатанной в 1867 году в журнале «Литературная библиотека» (№ 13-14). Герой пьесы, самодур и расточитель «ума и совести народной» [5, с. 488], представитель «старого» купечества Фирс Григорьевич Князев не может смириться с тем, что «суд старый рухнул» [5, с. 387-388], и наступили новые судебные порядки, при которых стало опасно открыто обманывать, давать взятки, подкупать стряпчих. В России происходит становление капиталистического общества, наступает время реформ, представители отживающего мира тяжело воспринимают настоящие перемены. Но Князев уверен: «Не может быть, чтоб человек с умом не сделал в России того, что хочет...» [5, с. 388]. Эта мысль эксплицирована в рассказе «Отборное зерно»: «...наш самообытный русский гений, который вы отрицаете, — вовсе не вздор. <...> А вы не слушайте этого звона, а вникайте в дела, как они на самом деле делаются, так вы и увидите, что мы умеем спасаться от бед, как никто другой не умеет» [6, с. 282].

Один из главных героев святочной трилогии, именитый барин, беспощадно обманувший купца, «своего православного человека» [6, с. 286], продав тому пшеницу низкого качества вместо «отборного зерна» под предлогом, что надо «поддержать своих, истинно русских торговцев, а не чужих» [6, с. 286], напоминает Фирса из «Расточителя», который «душу человеческую и всю совесть мирскую под ногами» [5, с. 402] затопчет, но барин представляет уже другое российское сословие, приспособившееся к новым условиям.

В эпоху становления в государстве буржуазных страховых компаний другой персонаж драмы, Вонифатий Минутка, еще не додумался, что можно застраховать то, чего нет: [Молчанову] «Полтора года тому назад, ровно за три месяца до вашего возвращения из-за границы, у вас сгорели амбары, а в них две тысячи пудов хлопка. Товар этот не был застрахован; а не был он застрахован (помолчае) потому, что его совсем не было» [5, с. 407]. Напротив, купец из «Отборного зерна» уже сознательно совершает воровскую сделку с зерном, обманывая страховую компанию: «Нагрузили барку кулями, в которых черт знает какой дряни набили под видом драгоценной пшеницы; застраховал все это купец в самой дорогой цене, отслужили молебен с водосвятием, покормили православный народишко пирогами с легким а с сердцем и отправили судно в ход» [6, с. 297].

Позже думский секретарь Минутка, когда понял, что «...составить-то больше некого, <...> собрал с ребятками на молочишко и другую дорожку нащупал...» [5, с. 412], сделал донос на Фирса и «остался, в Петербурге. Он дом себе купил в Подьяческой и кассу ссуд открыл с крепеными поляками» [5, с. 488]. Финал драмы окрашен мрачными красками. Купец из святочной трилогии так приспособился к новым условиям, что читатель, разгадывающий секрет его аферы, видит, что в результате обмана «все село отстроилось, и вся беднота и голытьба попривыкла и понаелась, и божий храм поправили. Всем хорошо стало, и все зажили, хваляще и благодаряще господа, и никто, ни один человек не остался в убытке — и никто не в огорчении. Никто не пострадал!» [6, с. 303]. Так и завершается, с присущей автору иронией, святочный рассказ о том, «как вор у вора дубинку украл и какое от того вышло для всех благополучие жизни» [6, с. 292].

Говоря о трилогии «Отборное зерно», отметим ее связь еще с одним произведением Лескова: В РГАЛИ находится автограф рассказа Н.С. Лескова «Московское привидение» с исправлениями и пометами автора (поверх написанного и на полях) [7]. Этот незаконченный «рассказ к стати» не был известен широкому кругу читателей: однажды опубликованный в одном из сборников неперіодического научного издания «Литературное наследство» Ксений Петровной Богаевской «по беловым автографам с авторской правкой, находящимся в ЦГАЛИ» [8, с. 36-46], он до сих пор не привлек должного внимания лесковедов. Единственный исследователь, который обратился к рукописи этого произведения, является Л.П. Гроссман, он цитирует «несколько строк из рассказа», «говоря о московской жизни Лескова», а также связывая «Московское привидение» и драму «Расточитель» [9, с. 45; с. 63]. Позволим себе здесь несколько усомниться: на наш взгляд, более выражена связь между незакон-

ченным «Московским привидением» и «Отборным зерном». Оба произведения пишутся в определенный период времени — «Отборное зерно», как мы знаем, впервые было напечатано в 1884 г., над рассказом «Московское привидение», судя по содержанию, Лесков начал работать после прочтения опубликованных в 1985 г. С.Н. Терпигоревым «Дорожных заметок и рассуждений» («Дорожные заметки и рассуждения» фельетониста Терпигорева С.Н. были опубликованы в газете А.С.Суворина «Новое время» в январе 1885 г.).

Лесков соглашается с Терпигоревым, что «...Москва Островского прошла, что типы этого драматического писателя сошли со сцены и заменились в жизни другими «кнутами», которые тоже бьют больно, но бьют иным способом и по иным местам» [7, л. 4]. О предтекстуальности, о своеобразном диалоге с более ранними произведениями свидетельствует эпиграф к «Московскому привидению», ставший своеобразным ключом к пониманию образов и расширяющий подтекстовое поле; Н.С. Лесков перефразировал цитату из драматической поэмы А.К. Толстого «Дон Жуан», намекая читателю о родственности персонажей «рассказа к стати» с другими литературными героями: «Встают опять знакомые виденья». Хотя «Московское привидение» и продолжает полемику с А. Островским, начатую еще двадцать лет назад драмой «Расточитель», но главный персонаж этого незаконченного «рассказа к стати» Капитал Ильич совсем не похож на представляющего старое купечество Фирса Князева из «Расточителя»: купцы «темного царства» «отошли» [7, л. 5]. Скорее, московский «первач» и «барин» символизируют «новые нравы и течения купеческой среды» [7, л. 5]. Внешне они кажутся более образованными, «ведут себя прилично», но их внутренний мир, мысли, поступки пронизаны духом безнравственности, обмана, продажности и ложного патриотизма. Капитал Ильич из купца превратился в богача, «...имел много разных фабрик и заводов и обладал безмерным честолюбием» [7, л. 10], мог «не только обчитать и не отдать, но и обидеть» [7, л. 12]. Барин, «отсветнейший глушице и патентованный негодяй» [6, с. 288], принадлежал к тем «ловкачам», что «... и славянам братья, и заатлантичникам — друзья, и впереди они вызывались бежать и назад рады спятиться до обров и дулебов» [6, с. 290].

Убедительным аргументом родственности этих персонажей может служить сюжетное сходство, их деятельность в военное для России время: война, своя для каждого из героев, стала источником их обогащения. Барин слыл «...известным славянским деятелем, и в Красном кресте ходил» [6, с. 283] но этого «господина никто не посылал и в пользу славян действовать не уполномочивал, а <...> он сам усматривал в этом хорошее средство к поправлению своих плохих денежных обстоятельств и ещё более дрянной репутации» [6, с. 289]. Речь здесь идет о русско-турецкой войне 1877-1878 г.г. (так называемой «славянской» войне в Турции). Лесков с горечью пишет: «Есть довольно много бесчестных людей на свете, которые готовы пользоваться даже затруднениями своего отечества» [7, л. 17]. На какую реальную личность намекает Н.С. Лесков? Ясность вносит прочтение рукописи незаконченного рассказа «Московское привидение»: «Встала крымская война. Потребовалось все, что нужно беспрестанно увеличивавшейся армии, и Капитал Ильич сбыв на пользу отечества все, что у него было заготовлено во время «беспотребное»» [7, л. 16]. На наш взгляд, прототипом барина из святочной трилогии «Отборное зерно», а затем и «первача» из «Московского привидения» послужил Генрих Шлиман, немецкий археолог-самоучка и предприниматель: он составил большое состояние, в том числе в результате махинаций и обмана во время Крымской войны (1853-1856 гг.), причем имелись сведения, что поставки осуществлялись обоим воевавшим сторонам. Шлиман поставивший кроме пороха, селитры и свинца еще и некачественные сапоги и мундиры, вышел победителем-миллионером из проигранной Россией Крымской войны. Если в «Отборном зерне» барин не имеет собственного имени, выступает как представитель сословия, то в «Московском привидении» герой уже более конкретизирован, хотя имя его больше обобщенное, но оно маркировано в имущественном аспекте — Капитал; отдельные сведения из жизни «первача» схожи с фактами биографии Г. Шлимана: «Происходил он, как большинство наших торговых людей, из «сущей мелюзги», — был лавочным мальчиком, потом приказчиком, обокрал хозяина <...> Затем у него пошли «хорошие дела» и он разбогател, сделался штатором, покровительствовал больницам, получил медали и гражданство» [7, л. 10-11].

Для подтверждения нашей исследовательской гипотезы обратимся к еще одному литературоведческому источнику, Записной книжке из архива Н.С. Лескова в РГАЛИ [10]. Писатель возмущен публикацией в 1891 г. в детском журнале «Игрушечка» (№4) статьи об авантюрном искателе сокровищ Трои, этот факт не оставил его равнодушным: «Шлимань обогатился от поставок на русскую армию, во время крымской войны и стал миллионером». Т.е. ограбил солдат. Детский журнал хвалить, что он употребил деньги на раскопки в Трое! Все ли средства хороши и все ли знания полезны?» [10, л. 21].

Как в святочной трилогии, так и в незаконченном «Московском привидении» прослеживаются такие формы интертекстуальности, как завуалированные авторские *сюжетные* и *образные* заимствования. Анализ межтекстуальных связей «Отборного зерна» с драмой «Расточитель» и «Московским привидением» позволяет выстроить два персонажных ряда «добровольцев оподления» [11, с. 415]. К первому ряду цивилизованных подлецов, ряду «торговых патриархов» [12] отнесем следующих героев, имеющих типологическое родство: Фирс Князев и его литературные «преемники» – «барин» из святочной трилогии и московский «первач» Капитал Ильич. Временем, когда «выравлены лучшие, даровитейшие силы, настало царство посредственности» [из письма И.Е. Репина Н.С. Лескову, 19.02.1889 г.] [13, с. 734], обусловлен процесс «эволюции» негодяев: еще один ряд персонажей представлен героями «рангом пониже», от думского секретаря и купца из «Отборного зерна» до многочисленных предпринимателей-обманщиков из «Московского привидения». Происходит не только адаптация ловких буржуазных мошенников, но и их количественное изменение. Если в «Расточителе» перед читателем предстает конкретный герой – Вонифатий Викентьевич Минутка, то уже в «Отборном зерне» купец, продавший мешки с мусором вместо дорогой пшеницы, не имеет собственного имени, это собирательный, объединяющий образ. В «Московском привидении» Лесков с горькой иронией замечает, что в эпоху становления буржуазных отношений и пери-

ода нравственного упадка в России таких предприимчивых купцов-аферистов становится невероятно много: «...к мене с *Китаем* приготовили сукон все, кто занимался этим делом. <...> *Китайцы* разменялись на сукна и отъехали восвояси, но, когда осмотрелись дома со своим приобретением, то заметили до толе невиданную странность: в очень большой доле сукон *настоящее* сукно оказалось навитым только поверху, а *середина* тюков или свертков была из дубовых кругляков, только лишь по верху клеенных суконной покримкой» [7, л. 12-13].

Таким образом, мы исследовали особенности реализации форм интертекстуальности в святочной трилогии Н.С. Лескова «Отборное зерно», рассмотрели ее связь с другими авторскими произведениями, в том числе незаконченным рассказом «Московское привидение», рукопись которого находится в архиве Н.С. Лескова в РГАЛИ. В диалогическом пространстве произведений трилогии является одновременно реципиентом драмы «Расточитель» и предтекстом «рассказа к стати» «Московское привидение», выявленные образный параллелизм и сюжетные заимствования позволили выстроить «персонажные» ряды, расширить семиотическое и смысловое поле произведений.

Настоящая работа имеет значение для дальнейшего изучения творчества Н.С. Лескова, так как в ней уделяется внимание малоисследованным вопросам поэтики святочных произведений писателя. Следует отметить, что за рамками данной работы остались другие святочные рассказы писателя, а также значимым материалом в изучении наследия Лескова в ракурсе проблем межтекстовых связей между авторскими произведениями являются архивные материалы писателя, которые, без сомнения, заслуживают пристального внимания литературоведов и имеют дальнейшие перспективы исследований. Результаты исследования могут быть использованы при анализе поэтики Н.С. Лескова и других писателей с точки зрения интертекстуальности, а также в практике преподавания вузовских и школьных литературоведческих дисциплин.

Библиографический список

1. Данилова, Н.Ю.. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н.С. Лескова: на материале произведений 1860-1880-х гг. об иностранцах и инородцах: автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб., 2011.
2. Евдокимова, О.В. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. – СПб., 2001.
3. Кретова А.А. «Будьте совершенны...» (религиозно-нравственные искания в святочном творчестве Н.С. Лескова и современников). – М.; Орел, 1999.
4. Новикова, А. Гоголевские традиции в творчестве Н.С. Лескова («краткая трилогия в просонке» «Отборное зерно») [Э/р]. – Р/д: <http://rusk.ru/st.php?idar=156050>
5. Лесков, Н.С. Расточитель // Собр. соч.: в 11 т. – М., 1956-1958. – Т. 1.
6. Лесков, Н.С. Отборное зерно // Собр. соч.: в 11 т. – М., 1956-1958. – Т. 7.
7. Лесков, Н.С. Московское привидение. Рассказ. Без конца. Из цикла «Рассказы к стати» // РГАЛИ, Крайние даты 1880-е-первая половина 1890-х. – ф. 275, оп. 1, ед. хр. 32.
8. Богаевская, К.П. Н.С. Лесков. Из творческих рукописей (незавершенные произведения) // Литературное наследство. – М., 1977. – Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860-1890-х годов.
9. Гроссман, Л. Н.С. Лесков, Жизнь — творчество — поэтика. – М., 1945.
10. Лесков, Н.С. Записная книжка с выписками из сочинений Эврипида, Сенеки, Паскаля, Стерна, Г. Спексера, Г. Сковороды и др. с записями пословиц и изречений; выписками из «Сборника Кириши Данилова», Талмуда и др. // РГАЛИ, Крайние даты 1893-1894. – ф. 275, оп. 1, ед. хр. 109.
11. Лесков, Н.С. Письмо И.Е. Репину, 18.02.1889 г. // Собр. соч.: в 11 т. – М., 1956-1958. – Т. 11.
12. Новикова, А. «Место действия – Орел...». [Э/р]. – Р/д: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200203702>
13. Лесков, Н.С. Письмо И.Е. Репина, 19.02.1889 г. // Собр. соч.: в 11 т. – М., 1956-1958. – Т. 11.

Bibliography

1. Danilova, N.Yu.. Dialog «svoego» i «chuzhogo» v khudozhestvennom mire N.S. Leskova: na materiale proizvedeniy 1860-1880-kh gg. ob inostrancakh i inorodcakh: avtoref. dis. kand. filol. nauk. – SPb., 2011.
2. Evdokimova, O.V. Mnemonicheskie ehlementih poehtiki N.S. Leskova. – SPb., 2001.
3. Kretova A.A. «Budjte sovershennih...» (religiozno-nravstvennihe iskaniya v svyatochnom tvorchestve N.S. Leskova i sovremennikov). – M.; Orel, 1999.
4. Novikova, A. Gogolevskie tradicii v tvorchestve N.S. Leskova («kratкая trilogiya v prosanke» «Otbornoje zerno») [Eh/r]. – R/d: <http://rusk.ru/st.php?idar=156050>
5. Leskov, N.S. Rastochitelj // Sobr. soch.: v 11 t. – M., 1956-1958. – T. 1.
6. Leskov, N.S. Otbornoje zerno // Sobr. soch.: v 11 t. – M., 1956-1958. – T. 7.
7. Leskov, N.S. Moskovskoe privedenie. Rasskaz. Bez konca. Iz cikla «Rasskazih kstati» // RGALI, Kraynjnie datih 1880-e-pervaya polovina 1890-kh. – f. 275, op. 1, ed. khr. 32.
8. Bogaevskaya, K.P. N.S. Leskov. Iz tvorcheskikh rukopisej (nezavershennihe proizvedeniya) // Literaturnoe nasledstvo. – M., 1977. – T. 87. Iz istorii russkoj literaturih i obthestvennoj mihsli 1860-1890-kh godov.
9. Grossman, L. N.S. Leskov, Zhiznj — tvorchestvo — poehtika. – M., 1945.
10. Leskov, N.S. Zapisnaya knizhka s vihiskami iz sochinenij Ehvipida, Seneki, Paskalya, Sterna, G. Speksera, G. Skovorodih i dr. s zapisyami poslovic i izrechenij; vihiskami iz «Sbornika Kirshih Danilov», Talmuda i dr. // RGALI, Kraynjnie datih 1893-1894. – f. 275, op. 1, ed. khr. 109.
11. Leskov, N.S. Pisjmo I.E. Repinu, 18.02.1889 g. // Sobr. soch.: v 11 t. – M., 1956-1958. – T. 11.
12. Novikova, A. «Mesto deystviya – Orel...». [Eh/r]. – R/d: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200203702>
13. Leskov, N.S. Pisjmo I.E. Repina, 19.02.1889 g. // Sobr. soch.: v 11 t. – M., 1956-1958. – T. 11.

Статья поступила в редакцию 12.09.14